

Е. И. И г н а т ь е в а, Деривация отрицания в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Йошкар-Ола 2004, 176 с.

22 октября 2004 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Елизаветы Ивановны Игнатьевой на тему «Деривация отрицания в марийском языке».

Исследование выполнено под руководством кандидата филологических наук профессора З. В. Учаева. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Г. М. Тужаров, кандидат филологических наук доцент Н. М. Краснова.

Работа представляет собой первый опыт монографического исследования категории отрицания в марийском языке и посвящена системному изучению деривации отрицания именных частей речи и глагольных форм. Актуальность темы подтверждает тот факт, что исследование наиглавнейшей категории языка весьма необходимо, ибо важность категории отрицания для теоретической и практической лингвистики вы-

текает из обязательности указанной категории для марийского языка, как и для любого другого. Актуальность определяется также сложностью самой природы отрицания, многоаспектностью проблемы, наличием неодинаковых подходов к ее решению.

По мнению автора, деривация — это «обобщенный термин для обозначения словоизменения (inflection) и словообразования (wordformation) вместе взятых, либо как название для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, [---] которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные» (Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990, с. 129).

Цель исследования состоит в выявлении средств выражения отрицания и грамматической сущности деривации отрицания в марийском языке. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) охарактеризовать отрицание как языковое явление; 2) рассмотреть историю изучения отрицания в финно-угорском, в том числе марий-

ском, языкознании; 3) исследовать происхождение отрицательных дериватов, сравнить их с аналогами в других родственных языках; 4) изучить образование различных частей речи с отрицательным значением, дать им морфолого-синтаксическую характеристику; 5) проанализировать употребление отрицательных дериватов в современном марийском языке.

Общетеоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, достижения современного финно-угорского, русского и общего языкознания. Фактический материал составил около 6000 примеров, извлеченных из 70 произведений марийских писателей и поэтов, а также из периодической печати.

В работе впервые рассматриваются а) деривация отрицания именных частей речи и глагольных форм; б) грамматическая сущность деривации отрицания, функционально-семантические и морфологические особенности отрицательных форм разных частей речи; в) сходства и различия в образовании и употреблении отрицательных слов и форм в луговом и горном наречиях марийского языка.

Е. И. Игнатъева в основном использовала описательный и сравнительно-исторический методы исследования. На разных этапах работы применялись такие частные методы, как гипотетико-дедуктивный, компонентный, валентностный виды анализа.

Основные положения работы:

1. В марийском языке используются следующие средства выражения отрицания: каритивный суффикс *-дымаш/-дѣймѣш* существительных, суффикс *-дыме/-дымо/-дымѣ/-дымы/-дѣймѣ* прилагательных и причастий, суффикс *-сыр/-сѣр* прилагательных, суффикс *-де* деепричастий (а также абессива и формы II прошедшего времени глагола); приглагольные отрицания, характерные для каждого лица и числа глагольных форм времени и наклонения; слово *уке* 'нет'; частица *огыл* (марГ *агыл*) 'не', употребляющаяся с любым отрицаемым членом предложения; частица *-моч*,

-мочет, -моэт (*уверет-мочет* 'известий нет', *кочмет-мочет* 'не поев'); отрицание *ни* в отрицательных местоимениях.

2. Основная функция каритивных формантов заключается в обозначении отсутствия названного основой слова.

Результаты работы могут найти применение в теоретических курсах по общему языкознанию, морфологии, словообразованию, синтаксису, диалектологии, истории марийского литературного языка, исторической грамматике. Кроме того, работа может быть использована как один из источников при составлении отдельных разделов научной грамматики марийского языка, учебных пособий для школ и вузов. Она призвана помочь также выяснению ряда спорных вопросов в марийском языкознании и финно-угроведении.

Работа состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения, списков источников и использованной литературы с сокращениями. Объем ее — 176 страниц компьютерного набора.

В предисловии Е. И. Игнатъева обосновывает актуальность рассматриваемой темы, раскрывает цель и задачи, определяет научную новизну, теоретическую значимость и практическую ценность работы, описывает методы исследования.

Во введении дана общая характеристика категории отрицания, затронуты вопросы о соотношении логики и лингвистики. На основе анализа связи логического и лингвистического отрицаний выявлена специфика языкового отрицания — данное явление имеет разнообразную и сложную систему средств выражения. Кроме того, кратко излагается история изучения категории отрицания в финно-угорском, в том числе марийском, языкознании.

Первая глава состоит из четырех разделов и посвящена деривации отрицания именных частей речи — существительных, прилагательных — и другим проблемам.

В современном марийском, как и в других финно-угорских языках, среди основных способов образования новых слов самым распространенным является

ся морфологический, представленный суффиксальным словообразованием и действующий в сфере всех основных знаменательных частей речи. К суффиксам, образующим существительные, относится сложный суффикс *-дымаш /-дѳмѳш*, при помощи которого образуются слова, обозначающие предмет (явление, свойство) с отсутствием того, что названо производящей основой слова: *лѳддымаш* 'невозможность, невозможное, неосуществимость, невыполнимость' от *лѳш* 'быть'; *лѳддымаш* 'бесбоязненность, бесстрашие, смелость, храбрость, отвага, решительность' от *лѳдаш* 'пугаться, страшиться, бояться, робеть, трусить'; *вычыдымаш* 'неожиданность' от *вычаш* 'ждать'. Суффикс *-дымаш/-дѳмѳш* образует существительные от основ глаголов обоих спряжений. Е. И. Игнатъева верно отмечает, что существительные с этим суффиксом имеют формы единственного и множественного числа, притяжательности, употребляются во всех падежах, могут определяться прилагательными, числительными, причастиями, местоимениями. При этом определение стоит обычно непосредственно перед определяемым словом. Существительные с *дымаш/-дѳмѳш* в предложении выступают в роли подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства.

В разделе «К вопросу о лишительном падеже» автор отмечает, что отыменное образование с формантом *-де* одни исследователи относят к падежной форме существительного, другие же считают его словообразовательным суффиксом, мотивируя тем, что оно редко употребляется в речи и не имеет числовых различий. По мнению рецензента, в горном и северо-западном наречиях марийского языка абессив выступает как живой продуктивный падеж и активно употребляется в горномарийской литературной норме (см. Г. М. Туужаров, Абессив в марийском национальном языке. — СФУ XIX 1983, с. 173—183). Е. И. Игнатъева считает, что в лугово-восточной литературной норме в настоящее время абессив тоже используется довольно часто, о чем свиде-

тельствуют многочисленные примеры из современной художественной литературы и периодической печати.

Основная функция названного падежа сводится к выражению того, что отсутствует в действительной ситуации и окружающей действительности: *аваде* 'без матери', *имниде* 'без лошади', *ѳштыде* 'без пояса', *пашаде* 'без работы', *пумагаде* 'без бумаги'. Существительные в абессиве в горномарийской литературной норме употребляются как в единственном, так и во множественном числе; они присоединяют притяжательные суффиксы; словоформы с формантом *-де (-те)* определяются прилагательными, числительными, причастиями, местоимениями.

Прилагательные, обозначающие признак предмета по отсутствию кого-нибудь или чего-нибудь, в современном марийском языке образуются с помощью продуктивного сложного суффикса *-дыме* (фонетические варианты *-дымо, -дымѳ, -дымы, -дѳмѳѳ*). И. С. Галкин считает, что «рассматриваемый суффикс сложный, образовался он из двух финно-угорских суффиксов: каритивного прилагательного на *-ta/-tä* и имени действия на *-ma/-mä*» (Историческая грамматика марийского языка. Морфология, Москва 1964, с. 203). Прилагательные с данным суффиксом в предложении чаще всего выполняют роль определения или именной части составного сказуемого. Субстантивированные отрицательные прилагательные могут быть и другими членами предложения, приобретая при этом грамматические признаки существительного — число, падеж и притяжательность. Отрицательные прилагательные имеют степени сравнения, но присоединяя суффикс *-рак*, они часто выражают неполноту качества. Сложные отрицательные прилагательные образуются из сочетания производных прилагательных. При склонении падежное окончание присоединяет только вторая часть слова (*ачадыме-авадымлан* 'не имеющему ни отца, ни матери', *вуйдымы-пачдымын* 'у не имеющего ни головы, ни хвоста'). Усеченная форма суффикса *-дым* в горномарийской литературной норме

встречается чаще, чем в луговой, хотя в разговорной речи луговых марийцев конечный гласный суффикса также не произносится: *вуйдым тетявлӓ* 'безумные (букв. безголовые) дети', *корныдым вӓр* 'бездорожное место'.

Следует отметить, что в марийском языке, наряду с названным, для образования прилагательных с отрицательным значением употребляется суффикс *-сыр/-сёр*. В настоящее время он почти не используется для образования новых слов, хотя, по мнению автора, вполне мог бы на современном этапе пригодиться для обогащения лексики марийского языка.

К отрицательным местоимениям в современном марийском языке относятся следующие: *нигӧ* (марГ *нигӱ*) 'никто', *нимо* (марГ *нимат*) 'ничто', *нигудо* (марГ *нигыды*) 'ни который', *нимогай* (марГ *нимахань*) 'никакой', *нимынар* (марГ *ниманяр*) 'несколько', *нигунар* (марГ *нигынары*) то же, *иктат* (марГ *иктӓт*) 'даже один, в значении никто'. Все отрицательные местоимения, за исключением *иктат* (марГ *иктӓт*), образованы от вопросительно-относительных посредством прибавления отрицания *ни*, которое исследователями трактуется по-разному. Местоимение *иктат* по происхождению представляет собой имя числительное *икте* (марГ *иктӓй*) 'один' с усилительной частицей *-ат/-ӓт*. Его отрицательное значение возникло в предложениях типа *Иктат ок тол* (марГ *Иктӓт ак тол*) 'Даже один (т.е. никто) не придет'. Все отрицательные местоимения с отрицанием *ни* склоняются, как обычные вопросительно-относительные местоимения. Отрицательное местоимение *иктат* склоняется так же, как и количественное числительное *икте*, при этом частица *-ат/-ӓт* ставится после падежных суффиксов. Отрицательные местоимения выполняют различные синтаксические функции в зависимости от того, какую часть речи они заменяют.

Вторая глава посвящена деривации отрицания глагольных форм. Отрицательные формы глагола в современном марийском языке во всех диалектах по всем наклонениям, за исключением II

прошедшего времени изъявительного наклонения, строятся по одной модели: спрягаемая форма отрицания плюс основа глагола. Во II прошедшем времени отрицательная форма образуется следующим образом: в луговом и восточном наречиях к деепричастию на *-н* прибавляется форма вспомогательного глагола *улаш*; в горном наречии к отрицательному деепричастию прибавляется спрягаемая форма вспомогательного глагола *ылаш* 'быть' (*ужделама* < *уждеылам* 'я не видел', букв. 'я есть не видевший'). Данная форма встречается и в луговом наречии марийского языка: *Миклайым ик ганат ончалде, пуйто тудо йӧршынат тыште уке* 'На Миклая ни разу не посмотрела, будто он тут вовсе не присутствует'.

Отрицательные причастия в марийском языке образуются путем присоединения суффикса *-дыме/-дымо/-дымӧ/-дымы/-дымӓ* к основе глагола повелительного наклонения обоих спряжений. Они указывают на отсутствие действительного признака, например: *колтыдымо* 'неотправленный, не отправивший'. Е. И. Игнатьева отмечает, что суффикс *-дыме* имеет прямые соответствия в ряде родственных языков в системе как причастий, так и прилагательных (удм. *-тэм*: *адзись* 'видящий' — *адзисьтэм* 'не видящий', *малпась* 'думающий' — *малпасьтэм* 'не думающий'; *-мтэ*: *кизем му* 'засеянное поле' — *кизьымтэ му* 'незасеянное поле', *книга лыземын* 'прочитанная книга' — *книга лызымтэ* 'непрочитанная книга'; коми *-тӧм*: *вундӧм рудзӧг* 'сжатая рожь' — *вундытӧм рудзӧг* 'несжатая рожь').

В современном марийском языке причастия с *-дыме/-дымо/-дымӧ/-дымы/-дымӓ* называют 1) признак предмета как неосуществленное действие: *Нӧнчык патыр гаяк виян, лӱ ддымӧ, тале лияшет!* 'Быть бы сильным, бесстрашным, смелым, как Ненчык патыр'; *Олтыдым камакаэт гӱц ылькшӱ пыш лӱктӱн шӱнзӱн* 'Из нетопленной печи пахнет сыростью'; 2) действие как предмет, при этом они изменяются по падежам и употребляются с притяжательными суффиксами: *Тыге тиде пушенге эпере шомакнам, йӧратыдымынам чы-*

тенак ила 'Так вот терпит это дерево наши напрасные слова, нашу нелюбовь'; *Поп ружген каштшывлӓ вӓкӓ тамам когом, йӓл пӓлбӓдбӓм пӓлбӓшӓлӓ анжен* 'На шумевших священник смотрел так, будто знал что-то важное, чего не знают другие'; 3) субъект, который не совершил действие, названное основой слова; они употребляются как имена существительные и получают формы числа, притяжательности, падежа: *Морко велыштат чай йӓдымӓ кызыт уке* 'И в моркинской стороне сейчас не пьющих чая нет'; *Тек Ёшке сӓнзӓштӓ доно, кыце колыштдымывлӓм тымдаш тӓнгӓлӓнӓ, анжалыт* 'Пусть увидят своими глазами, как будем учить непослушных'.

Отрицательные причастия обладают широким спектром синтаксических функций, в предложении они бывают подлежащим, определением, прямым и косвенным дополнением, обстоятельствами, именной частью составного сказуемого. Каритивные причастия могут употребляться с отрицательными наречиями, которые выражают меру и степень отрицательного признака (*нигунам пурьдымо* 'никогда не заходивший', *нигуш коштдымо* 'никуда не ходивший', *нигынам уждымы* 'никогда не виданный'). К отрицательным причастиям довольно часто присоединяются усилительно-выделительные частицы *-ат(-ок)*, *-ак*, *-ла*. Сложные отрицательные причастия образуются из сочетания производных причастий: *уждымо-колдымо* 'невиданный-неслышанный', *уждымы-вычыдымы* 'незванный-нежданный'. Отрицательные причастия участвуют также в образовании сложных слов, состоящих из причастия и прилагательного (*лӓддымӓ-чолга* 'смелый, бойкий'; *темдыме-опкын* 'ненасытный, жадный').

Далее Е. И. Игнатьева рассмотрела деривацию отрицательных деепричастий. Лишительный суффикс *-де* образует деепричастие, обозначающее такое второстепенное действие, при отсутствии которого совершается действие спрягаемого глагола. Деепричастие на *-де* в большинстве случаев выражает одновременность двух действий, из которых одно отрицается, другое утверждается.

Но иногда первое действие, выраженное деепричастием на *-де*, может предшествовать второму: *кочде ит кае* 'не поев, не уходи'. К деепричастиям может присоединяться суффикс *-рак* с оттенком ослабления действия или неполноты его проявления. Кроме того, они могут присоединять к себе притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. в его непритяжательном значении, а также усилительные частицы. Деепричастие на *-де* иногда употребляется в двоякой форме, выражая повторяющееся или длительное действие. Оно часто используется в особых синтаксических оборотах, состоящих из указанного деепричастия и некоторых спрягаемых глаголов в отрицательной форме. Это деепричастие в некоторых случаях может выступать со своим отдельным субъектом действия, который выражается именами существительными или личными местоимениями в именительном падеже (причем местоимения могут иногда иметь форму родительного падежа). Существительные бывают как одушевленными, так и неодушевленными. Выступая без пояснительных слов, деепричастие на *-де* может переходить в разряд отглагольных наречий. В результате транспозиции отрицательный суффикс *-де*, присоединяясь к вспомогательному глаголу *улаш* (часто в сочетании с частицей *мо*), образует синтаксический оборот, который имеет значение утверждения: *Шкетын улде мо? Кувам шукертак колен* 'Как не быть (букв. не бывши) одному. Жена давно умерла'; *Йӓнлӓк улы... Техень цӓшкерлӓштӓ хирвлӓ лиде кыце вара* 'Есть звери... В такой чашобе как не быть диким животным'. В диалектах суффиксу *-де* соответствуют *-дегече/-дегызе*.

В богатом и разнообразном составе частиц особое место занимают приглагольные отрицания. Иногда их называют вспомогательными отрицательными глаголами. В традиционном языкознании при отнесении того или иного слова к определенной части речи учитывается вся совокупность характерных для единицы языка черт, в первую очередь, его категориальное значение, т.е. значение предмета, качества, дейст-

вия или состояния и т. д., морфологические свойства и характер синтаксического употребления. Только такой целостный анализ семантики, системы морфологических форм и характера синтаксических функций в предложении гарантирует, с одной стороны, выделение действительно существующих структурно-семантических разрядов слов и, с другой, правильное отнесение слова к определенной части речи. Учитывая целостный анализ семантики, системы морфологических форм и характера синтаксических функций, Е. И. Игнатъева рассматривает приглагольные отрицания в составе частиц. В данном случае наблюдается одно из переходных явлений в области частей речи. Как известно, если слово, принадлежащее к определенной части речи, утрачивает или изменяет свое основное лексическое значение и морфологические признаки, присущие данному ряду слов, оно приобретает черты другой части речи, и в соответствии с этим меняются его синтаксические функции. То же обнаруживается в отрицаниях, которые, сохраняя свои морфологические признаки, утратили лексическое значение (перестали обозначать действие или состояние) и изменили синтаксические функции, они не могут выступать, за исключением определенных условий, как отдельные члены предложения, т.е. приобрели чер-

ты, характерные для служебных слов. При изолированном употреблении приглагольные отрицания обретают статус не только члена предложения, но и целого предложения, однако и в данном случае они лишены самостоятельного значения, поскольку их лексическое значение выводится из семантики основного глагола, употребленного в предыдущей реплике диалога.

Кроме 28 приглагольных отрицаний, как считает Е. И. Игнатъева, в марийском языке к отрицательным частицам относится слово *уке* 'нет', выступающее не только как частица, но и как самостоятельная предикативная единица и часть предиката, а также как полнозначная лексема.

Небольшое количество слов с отрицательным значением образуется при помощи частицы *-моч*, *-мочет*, *-моэт*, которая, присоединяясь к слову, указывает на 1) отсутствие предмета, названного основой; 2) несовершенство действия. Она может иметь и обобщающий характер.

В заключении изложены результаты исследования, сформулированы основные выводы и новые закономерности.

В целом работа Е. И. Игнатъевой выполнена на высоком научно-теоретическом уровне. Выводы и теоретические положения вполне объективны и не вызывают принципиальных возражений.

ГЕННАДИЙ ТУЖАРОВ (Йошкар-Ола)